ЭБ
10
С 12

Л. М. Савеловъ.

ПОМѢЩИКИ ВЛАДИМІРСКАГО КРАЯ

КНЯЗЬЯ ПОЖАРСКІЕ.

ВЛАДИМІРЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1908.

1ЭИА

ДБ
10
С12

Л. М. Савеловъ.

ПОМѢЩИКИ
ВЛАДИМІРСКАГО КРАЯ
КНЯЗЬЯ ПОЖАРСКІЕ.

ВЛАДИМІРЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1908.

2 экз.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.
Предсѣдатель *И. Н. Сазоновъ.*

(Оттиски изъ „Труд. III Областн. Истор.-Арх. Съѣзда").

Помѣщики Владимірскаго края князья Пожарскіе.

Въ числѣ древнихъ помѣщиковъ Приклязьменскаго края, мы находимъ въ XVI и XVII ст. князей Пожарскихъ, имя которыхъ прогремѣвъ въ началѣ XVII ст., во времена великой смуты, охватившей тогда русскую землю, не забыто и теперь. Я здѣсь не буду останавливаться подробно на дѣятельности членовъ рода вообще и дѣятельности знаменитаго князя Дмитрія Михаиловича въ частности; дѣлаю я это по двумъ причинамъ, первая это то, что родъ князей Пожарскихъ, за исключеніемъ князя Дмитрія Михаиловича, не игралъ никакой роли въ судьбахъ Московскаго государства, а потому при всемъ желаніи сказать о немъ что либо довольно трудно, а вторая та, что дѣятельность князя Дмитрія Михаиловича въ общихъ чертахъ на столько извѣстна, что повторять ее я не считаю нужнымъ. Я хочу лишь въ краткихъ чертахъ обрисовать то положеніе, которое занималъ родъ князей Пожарскихъ въ XVI и XVII ст., будучи чисто помѣстнымъ родомъ и принадлежа къ кореннымъ родамъ Приклязьменскаго края, владѣлъ вотчинами по рѣкамъ Клязьмѣ, Луху и Тезѣ.

Родъ князей Пожарскихъ выдѣлился изъ Стародубскаго удѣла въ самомъ концѣ XIV ст., когда князь Василій Андреевичъ, внукъ кн. Ѳеодора Иввновича Благовѣрнаго, о которомъ мы недавно слышали, получилъ въ свое управленіе волость „Пожаръ“ и сдѣлался такимъ образомъ первымъ удѣльнымъ Пожарскимъ княземъ.

Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, что самостоятельность удѣла сохранилась еще при сынѣ Василія Андреевича—князѣ Данилѣ Васильевичѣ, но прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ. Пожарскій удѣлъ былъ такъ незначителенъ, что въ виду возникновенія по сосѣдству такого сильнаго великаго княженія, какимъ въ это время было великое княжество Московское, онъ никакой политической роли играть конечно не могъ и считаться съ нимъ его

болѣе сильнымъ сосѣдямъ великимъ князьямъ Московскому и Тверскому не приходилось, почему и лѣтописи не сохранили намъ никакихъ извѣстій о пожарскомъ княженіи и мнѣ кажется, мы будемъ ближе къ дѣйствительности, если будемъ разсматривать князей Пожарскихъ только какъ крупныхъ вотчинниковъ Суздальско-Нижегородской области, но съ нѣкоторыми суверенными правами по отношенію своихъ владѣній.

XV-е столѣтіе не даетъ намъ никакихъ извѣстій о князьяхъ Пожарскихъ, впервые ихъ имя мы встрѣчаемъ подъ 1519 г., а затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ извѣстій о нихъ, но опять таки исключительно какъ о вотчинникахъ, покупавшихъ и продававшихъ свои вотчины, кромѣ того находимъ не мало ихъ вкладныхъ въ полюбленный ими Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь, мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія.

XVI вѣкъ былъ свидѣтелемъ и упадка благосостоянія князей Пожарскихъ, свидѣтелемъ того, какъ правнуки удѣльнаго князя спустились до должностей низшаго мѣстнаго управленія, какимъ является должность городничаго, которую въ 50-хъ годахъ XVI ст. занимали нѣсколько членовъ рода Пожарскихъ [1]).

Но нужно замѣтить, что князья Пожарскіе не составляли въ этомъ отношеніи исключенія: упадокъ благосостоянія и сопряженное съ этимъ пониженіе общественнаго положенія было обычнымъ въ XVI ст. и вытекало изъ общаго финансоваго положенія государства, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ тогдашней идеи, проводимой въ жизнь энергичными и суровыми Московскими великими князьями, собиравшими Русь подъ свою сильную и жесткую руку. Всѣ эти причины имѣли сильное и непосредственное вліяніе на судьбу высшихъ классовъ и на крупное землевладѣніе въ XVI ст., чего не избѣжали, конечно, и князья Пожарскіе, почему я считаю не лишнимъ остановиться на этихъ причинахъ нѣсколько болѣе подробно.

Одною изъ главныхъ причинъ разоренія крупнаго землевладѣнія въ XVI ст. надо считать тяжелое финансовое положеніе государства, денегъ въ государствѣ было очень мало, не было ихъ и у частныхъ лицъ, что и отозвалось, конечно, на общемъ благосостояніи.

Единственнымъ кредитоспособнымъ учрежденіемъ являлся монастырь, который и воспользовался этимъ, создавъ

---

[1]) Нѣсколько позднѣе въ 1566 г. владѣнія князей Пожарскихъ были подчинены князю Владиміру Андреевичу, т.-е. князья Пожарскіе подчинялись власти удѣльнаго князя, какимъ являлся князь Владиміръ Андреевичъ; подобное положеніе рода несомнѣнно должно было отозваться на его общественномъ положеніи.

себѣ крупныя имущества, чему помогло также и религіозное настроеніе тогдашняго общества.

Монастыри въ древности являлись самыми крупными землевладѣльцами и самыми же крупными капиталистами, а это произошло по многимъ причинамъ, началомъ же ихъ благосостоянія мы видимъ въ обычаѣ русскихъ людей жертвовать и завѣщать на поминъ души, а такъ какъ денегъ не было, то жертвовались вотчины, часто съ такою оговоркою, что „роду до тое вотчины дела нет, а хто роду нашему учнетца вступати в ту отчину, и ему судитися съ нами пред Нелицемерным Судьею в будущем“, т.-е. вотчины передавались даже безъ права выкупа, иногда же это право оставалось за наслѣдниками, которые обязывались завѣщателемъ уплатить монастырю извѣстную сумму.

Подобныя пожертвованія не были единичными примѣрами, ихъ можно указать цѣлый рядъ у однихъ только князей Пожарскихъ, это было обычнымъ явленіемъ на Руси, когда религіозное настроеніе всѣхъ классовъ было очень высокимъ, когда „наследье вечных благ“ сильно заботило и князя и простолюдина и для спасенія себя въ будущей жизни первый отдавалъ монастырю свои вотчины, а второй отдавалъ свой трудъ.

Переходъ вотчинъ изъ рукъ свѣтскихъ владѣльцевъ былъ настолько великъ, что отзывался даже на военной организаціи самаго государства, такъ какъ служилый классъ, втянувшій въ себя и потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, не могъ по прежнему нести своей службы государству, что, конечно, не могло не обратить на себя вниманія правительства, которое на соборѣ 1551 г. провело слѣдующій законъ: „Суздальскіе князья, да Ярославскіе, да Стародубскіе князи безъ великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ не продавали никомужъ и въ монастыри по душамъ не давали“, но во первыхъ это распоряженіе вышло поздно, такъ какъ масса земель уже сосредоточилась къ 1551 г. въ рукахъ монастырей, во вторыхъ, нѣтъ такого закона, который нельзя бы было обойти, тѣмъ болѣе, когда этого требуютъ религіозныя убѣжденія, и въ третьихъ, государство, не обладая само денежными средствами, не могло требовать исполненія новаго закона, такъ какъ не могло принимать на себя долговыхъ обязательствъ, лежавшихъ на земляхъ, и должно было поневолѣ признавать и разрѣшать переходы земель во владѣніе монастырей, хотя и бывали случаи, когда великій князь бралъ на себя вотчину и уплачивалъ долги, и дѣлалъ вкладъ по душѣ умершаго владѣльца вотчины.

Единственнымъ капиталистомъ являлся тотъ же монастырь, который, получая пожертвованія, пользуясь даровымъ трудомъ, не несъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ государству, а главное не участвовалъ въ обо-

ронѣ государства, что тяжелымъ, подъ часъ непосильнымъ, бременемъ ложилось на остальное населеніе, какъ на помѣщика, такъ и на крестьянина, требуя отъ перваго крупныхъ матеріальныхъ издержекъ.

У монастыря же его рабочая сила была всегда на лицо, пополняясь всегда богомольнымъ населеніемъ, а хозяйскій глазъ, конечно, былъ не менѣе зорокъ, чѣмъ у помѣщика, да онъ былъ и не такъ нуженъ, такъ какъ работали не на хозяина, а работали ради все того же „наследья вечныхъ благ", вотъ почему вотчинники, несшіе обязанности по отношенію къ государству и часто отвлекаемые лично для военнаго дѣла, не могли конкурировать съ богатымъ монастыремъ-вотчинникомъ, разница въ положеніи ихъ обоихъ была громадна.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что когда помѣщику являлась нужда въ помощи для своихъ ли семейныхъ или хозяйственныхъ нуждъ, или же требовались деньги, чтобы подняться въ походъ и выставить потребное количество воиновъ, то онъ обращался, конечно, къ единственному въ то время банкиру—къ монастырю, результатомъ чего являлась кабала, а затѣмъ уплата по кабалѣ, т.-е. уступка или завѣщаніе вотчины кредитору—монастырю и примѣровъ этому сколько угодно.

Результатомъ подобнаго экономическаго состоянія московскаго государства въ XVI ст. было обѣдненіе цѣлаго ряда княжескихъ родовъ, перешедшихъ въ теченіе всего нѣсколькихъ десятилѣтій въ ряды мелкихъ вотчинниковъ, а затѣмъ и въ ряды провинціальнаго дворянства, а нѣкоторые изъ нихъ пошли еще дальше и попали въ дѣти боярскіе, составлявшіе въ главной своей массѣ ядро московскихъ войскъ, часть ихъ, попадая на окрайны государства и неся тяжелую службу по защитѣ пограничной черты отъ внѣшнихъ враговъ, осѣдала на мелкихъ помѣстьяхъ вдали отъ крупныхъ центровъ, теряла всякую связь съ прежнимъ и въ послѣдующіе вѣка слилась съ массою тяжелаго крестьянскаго населенія, сохранивъ лишь преданія о своемъ дворянскомъ происхожденіи.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось въ XVI стол. служилое сословіе вообще, участь же высшихъ его слоевъ, потомковъ удѣльныхъ князей, была еще тяжелѣй, имъ приходилось на своей шеѣ чувствовать политику московскихъ собирателей Руси, которые крайне подозрительно относились ко всему, что напоминало удѣльно-вѣчевой строй, началось съ ограниченія права распоряжаться своими вотчинами, но такъ какъ не было денегъ для выкупа продаваемыхъ и пожертвованныхъ вотчинъ, то изобрѣли болѣе простой способъ—начали просто отбирать ихъ, чтобы лишить ихъ бывшихъ владѣльцевъ всякаго вліянія на мѣстахъ ихъ

бывшихъ княженій, а затѣмъ мы видимъ цѣлыя вереницы именъ русскихъ князей, сложившихъ свои головы на плахѣ, или погибшихъ въ заточеніи—все это были жертвы государственной идеи московскихъ государей, создававшихъ въ это время московское единодержавіе.

Нельзя сказать, чтобы дѣйствія московскихъ великихъ князей были непослѣдовательны: стремясь къ единодержавію они, конечно, должны были уничтожать все, что являлось или могло явиться препятствіемъ къ этому, а таковымъ несомнѣнно могъ быть классъ крупныхъ вотчинниковъ, среди которыхъ были потомки недавнихъ владѣтелей края. Только тотъ классъ, который крѣпко опирался на свое матеріальное благосостояніе и который глубоко пустилъ корни среди мѣстнаго населенія, могъ еще бороться противъ все усиливавшейся централизаціи, и его рѣшено было уничтожить: въ началѣ уничтожили его благосостояніе, лишили вліянія въ своей средѣ и сдѣлали безсильнымъ, а затѣмъ, немного подумавши, отрубили на всякій случай головы.

Одною изъ мѣръ проведенія въ жизнь идеаловъ московскаго абсолютизма была и опричнина, изобрѣтенная, геніальнымъ въ своемъ родѣ, Іоанномъ IV и долженствовавшая смести послѣдніе слѣды удѣльно-вѣчевого періода; цѣлыя области были преданы во власть опричниковъ, вотчинники и помѣщики переселены въ другія мѣстности, а цѣлый рядъ ихъ погибъ насильственной смертью отъ руки Іоанна и его приспѣшниковъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, какъ заносилъ въ свой кровавый синодикъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный результаты своей политической дѣятельности.

Князья Пожарскіе, хотя и не сложили своихъ головъ на плахѣ, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного случая насильственной смерти кого нибудь изъ нихъ, но матеріально пострадали, такъ какъ владѣнія князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ и др. вошли въ предѣлы опричнины, а это повлекло за собой выселеніе мѣстнаго высшаго класса изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ, такъ какъ „государь велѣлъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричинѣ, изъ тѣхъ городовъ вывести и подавать земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ“; въ числѣ этихъ князей были и князья Пожарскіе, получившіе помѣстья въ Свіяжскомъ уѣздѣ, но сохранившіе почему то и часть старыхъ вотчинъ, такъ какъ мы цродолжаемъ встрѣчать ихъ въ качествѣ вотчинниковъ той же мѣстности, т.-е по Клязьмѣ, Луху и Тезѣ, хотя весьма возможно, что часть ихъ прежнихъ владѣній была имъ возвращена уже впослѣдствіи, сначала на помѣстномъ правѣ, а затѣмъ перешла и въ вот-

чины; прямыхъ указаній на это намъ встрѣтить не пришлось,—это лишь наша догадка и если она справедлива, мы были бы благодарны, если бы кто нибудь изъ гг. членовъ подтвердилъ ее.

Пережитые помѣстнымъ сословіемъ черные годы гоненія и истребленія тяжело отозвались и на князьяхъ Пожарскихъ, которые во 2-й половинѣ XVI ст., утерявши значительную часть своихъ земельныхъ владѣній, слились съ рядовыми помѣщиками, дѣлившими свое время между своими помѣстьями и дѣятельностью по службѣ въ рядахъ чиновниковъ мѣстнаго управленія, и теряя все больше и больше связь съ прошлымъ и опустившись до низшихъ ступеней іерархической лѣстницы должны были вычеркнуть себя изъ списка людей родословныхъ, которые впослѣдствіи, не взирая на крупныя заслуги передъ государствомъ князя Дмитрія Михаиловича, всегда укоряли Пожарскихъ ихъ службами и говорили, что отцы ихъ опричъ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали. И они были правы; происхожденіе отъ Рюрика, обладаніе столомъ самостоятельнаго княжества—все это было заслонено службою въ городничихъ, а этого простить было нельзя,—никакія обстоятельства, независѣвшія даже отъ рода, не принимались и природный русскій князь, бояринъ, какимъ былъ князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій, долженъ былъ уступать въ мѣстническихъ спорахъ не только дѣйствительно родословнымъ русскимъ людямъ, но и пришлымъ татарской крови. Кромѣ общихъ причинъ упадка значенія высшаго класса въ XVI ст. мы можемъ еще указать на опалу, постигшую нѣкоторыхъ изъ князей Пожарскихъ и въ томъ числѣ князя Ѳедора Ивановича—дѣда князя Дмитрія Михаиловича, о которой говоритъ самъ князь Дмитрій Михаиловичъ. Опала эта выразилась въ ссылкахъ князей Пожарскихъ на Низъ, т.-е. въ предѣлы бывшаго Казанскаго царства, гдѣ мы и находимъ ихъ въ 50-хъ годахъ XVI стол. Причины этой опалы мы не знаемъ, весьма вѣроятно, что это не было проявленіемъ личнаго неудовольствія Грознаго къ князьямъ Пожарскимъ, а было слѣдствіемъ тѣхъ же государственныхъ соображеній, которыя привели другихъ, менѣе счастливыхъ, на плаху.

Вотъ въ такомъ тяжеломъ положеніи находился родъ князей Пожарскихъ, когда невзгоды охватили весь русскій народъ. Произошла смѣна нѣсколькихъ династій, поляки посадили на русскій престолъ своего клеврета и захватили власть въ свои руки; смута охватила все государство, которое казалось корчилось въ предсмертной агоніи, но на берегахъ Волги раздался голосъ русскаго человѣка—Нижегородскаго гражданина Минина, призывавшаго своихъ соотечественниковъ встать на защиту вѣры и отечества, ре-

зультатомъ чего и явилось земское ополченіе, долженствовавшее спасти государство отъ конечной гибели.

Когда потребовался для ополченія воевода, то взоры всѣхъ обратились на хорошо извѣстнаго въ той мѣстности мѣстнаго вотчинника князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго, который въ это время лечился отъ раны и жилъ въ своей Мугреевской вотчинѣ на р. Лухѣ.

Честный русскій человѣкъ принялъ начальствованіе надъ ополченіемъ и осенью 1611 г. двинулся понемногу къ Москвѣ, привлекая подъ свой стягъ русскихъ людей.

12-го августа 1612 г. передовой полкъ подъ командою князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго подошелъ къ Москвѣ, 20-го подошла главная рать князя Дмитрія Михаиловича, а 25 октября поляки сдали Кремль. 11 іюня 1613 г., въ день коронованія вновь избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова, князь Дмитрій Михаиловичъ былъ пожалованъ въ бояре.

Имя князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго стало достояніемъ исторіи; не представляя изъ себя выдающагося государственнаго дѣятеля, не будучи геніемъ, онъ все же оставилъ по себѣ память въ русскомъ народѣ, который не забудетъ имени того, кто во дни смуты поднялъ русскій стягъ и сумѣлъ водрузить его на стѣнахъ московскаго Кремля, который служилъ родинѣ и воплотилъ въ себѣ идею русской народности. Родъ князей Пожарскихъ пресѣкся въ 80-хъ годахъ XVII ст. на внукахъ князя Дмитрія Михаиловича; родовыя ихъ вотчины въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ. перешли въ другіе роды и единственнымъ памятникомъ князей Пожарскихъ въ приклязьменскомъ краѣ являются гробницы ихъ и въ томъ числѣ гробница князя Дмитрія Михаиловича (20 апрѣля 1642 г.) въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА